

Буд моим деревом / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Буд моим деревом / рассказ БУДЬ МОИМ ДЕРЕВОМ

1.

– Моя первая жена – хорошая была женщина, – Олег Петрович потянулся и зевнул, – но вот слишком уж... – Он защёлкал пальцами, подбирая слово. – Энергичная!

Собеседник его, пожилой мужчина в тёплом пальто, вопросительно поднял брови.

– Да-да, – закивал Олег Петрович, – слишком! Утром проснёшься – не соображаешь ничего, глаза открыть не можешь, а она уже вовсю крутится. Гимнастика какая-то хитрая, потом варит чего-то, потом на прогулку несётся. Но это полбеда...

Олег Петрович задумался, вспоминая. Пожилой мужчина развернул было газету, надеясь на окончание разговора, но погрузиться в чтение не смог.

– Полбеда, понимаете? – остановил его Олег Петрович. – Женщина, и в особенности жена, должна умиротворять, правда? А она наоборот – раздражала. Музыку услышит – тут же танцует, встретит кого знакомого – кричит на всю улицу, обниматься лезет. Подаришь ей чего – машет около глаз, будто рыдать собралась и её вроде как жар разбирает.

Олег Петрович помахал ладонями перед лицом, изображая.

– Нет! Не уговаривайте даже! – Продолжил он, а пожилой мужчина обречённо сложил газетные листы вчетверо. – Я категорически против. И не спрашивайте, зачем женился! Не спрашивайте! Я и сам не знаю.

Мужчина поднялся со скамейки и слегка поклонился.

– Вам уже пора? – Олег Петрович глядел с искренним огорчением.

– Такая погода! Воздух! Что ж... – крикнул он вслед уходящему, – увидимся как-нибудь ещё!

Первая жена Олега Петровича, слишком энергичная, но хорошая,

сейчас не узнала бы своего бывшего мужа. Они расстались больше пятнадцати лет назад – удивительно холодный и ветреный выдался тогда апрель. Олег Петрович, взяв пример с ветра, всё уходил куда-то из дому, и не сказать, чтобы к новым женщинам, а больше к друзьям. Но и женщины какие-то были, и музыку включали, а свет гасили, но всё это было так, по-апрельски несерьёзно. Олег Петрович, тогда худой, с чёлкой, в очках – курил на дружеской кухне, жаловался, неспешно пил чай – печень уже тогда шалила. Друг кивал, сочувствовал и очень хохотал, когда Олег Петрович показывал, как жена делает гимнастику.

Возвращаться домой было немножко стыдно. Жена энергично брала его за руку и спрашивала – что же не так? Потом ушла – на диво бесшумно. А Олег Петрович женился второй раз – на одной из каких-то мелькавших рядом женщин, но снова остался недоволен и браком, и жениными повадками. Если бы пожилой его собеседник не ушёл, Олег Петрович пожаловался бы и на вторую жену – как назло, она, в полную противоположность первой, оказалась медленной и молчаливой. Готовила фруктовые желе и холодцы – холодные, подрагивающие; каши – тягучие, слизистые; уважала сливочные ликёры и густые молочные коктейли.

В этом браке Олег Петрович растерял худобу и лишился чёлки – облысел как-то быстро и равномерно. Но был от второго супружества и плюс – вторая жена его трудилась доктором-окулистом, и помогла ему избавиться от натирающих переносицу очков – себе же на беду. Прозревший после операции Олег Петрович разглядел мелкие прыщики на её спине, стал глядеть ещё и нашёл всякого-неприятного: один зуб у жены был желтоватый, и пальцы на ногах слишком уж длинные... Развёлся быстро, очень переживал, и больше не женился.

– И не то чтобы не хочется... – говорил Олег Петрович друзьям, – но какая-то опаска уже присутствует, – и с лёгким презрением косился на дружеских жён: одна пухлая, другая красится глупо, а эта и вовсе оскорбительно не накрашенная.

Олегу Петровичу не было ещё и пятидесяти – и расположился он в этом неопределённом возрасте с некоторой радостью: уже не

нужно изображать юность, подтянутость, а до настоящей слабости и немощи ещё очень далеко. Всё было при нём: хорошая квартира, необременительная, невеликая, но всё ж начальственная должность, личная свобода. И чувствовал он себя удивительно покойно — знал, что живёт на своём месте и своей жизнью.

Отправляться на прогулку Олег Петрович сегодня не планировал. Но день нынче выдался очень уж приятный: пятница, и служба порадовала, а потом небольшой банкет случился — и подавали там чуть горьковатое красное вино, приведшее Олега Петровича в несвойственное ему романтическое настроение. Он забыл про печень, смотрел сквозь тонкое стекло бокала на весёлых сослуживцев и даже позволил себе раскованную шутку. После банкета весёлые сослуживцы разбегались врассыпную; кто-то в одиночестве, а кое-кто навстречу мужьям или жёнам с детьми, собаками, супермаркетовыми пакетами. Семейные стайки — кто со смехом, кто с упрёками, — рассаживались по автомобилям; одиночки двинулись к метро, и все махали Олегу Петровичу на прощание как-то особенно душевно. И он кивал, и улыбался в ответ, растроганно думая, что эти пять человек, пять его подчинённых, которых в обычные дни он нередко распекал и, по его выражению, ставил на место, — и есть его семья. Знал он, что к понедельнику эти мысли исчезнут, и от этого чувствовал себя ещё лучше: щурил глаза, представляя, как выглядит со стороны — солидный, умеющий владеть собою, но очень редко позволяющий себе маленькие человеческие слабости...

Он отправил в рабочий чат одобряющий смайлик, потом подумал и удалил сообщение. Прикрыл лысину шляпой, и собирался было вызвать такси, но винные пары всё не отпускали, кружили и увлекали вверх по улице — в городской парк, где зеленоватой дымкой кудрявилась свежая листва тополей.

Добравшись до центральной аллеи, Олег Петрович немного устал и решил присесть. Все скамейки были заняты, и он выбрал ту, на которой сидел приличного вида старичок с газетой. Но разговора не вышло, и теперь Олег Петрович остался один — оглядывался, понемногу теряя хмель и ёжась от вечерней прохлады,

выползающей из-за деревьев.

Где-то за деревьями была река – Олег Петрович видел её краешек из окна своего кабинета, но уже совсем не помнил ни запаха, ни цвета её воды. Смутно помнилось ему, что первая жена любила бегать по набережной, и всё рассказывала ему какие-то глупости: что-то о том, как ивы полощут в быстром течении кончики своих серебристых кос, и что бег воды и перебор прибрежных камешков похож на тихую музыку.

Олегу Петровичу стало скучно. Хорошая публика – мамы с колясками, порядочно одетые дамы средних лет, чистенькая молодёжь – уже расходилась. Вместе с вечерним холодом со стороны реки двинул народ подозрительный, не подходящий гладко причесанной центральной аллее и норовящий войти в парк с чёрного его хода, и Олег Петрович решил своё внезапное приключение завершить. Пообещав сам себе непременно погулять здесь ещё – но днём, он встал и направился к выходу.

Он шёл, и всё оглядывался на оставленную им скамейку, и отчего-то жалел её – вот, сидел на ней приличный человек в костюме и плаще, а теперь расположится всякая дрянь... Удивляясь своей внезапной сентиментальности и не глядя вперёд, он вдруг налетел на что-то твёрдое и тёмное, охнул и упал на колени, слыша отчего-то звон и треск.

– Что такое... – пробормотал Олег Петрович, поднимаясь, – что за безобразие?

Перед ним, прямо на аккуратно уложенных плитках аллеи, сидела девушка, совсем молоденькая, лет семнадцати. Обхватив обеими руками лодыжку, она поскуливала тоненько, как щенок, но смотрела не на ногу, и не на Олега Петровича, а влево – на лежащую рядом и треснувшую с одного бока гитару.

Олег Петрович сообразил, откуда был слышен звон и треск, и устыдился.

«Такой был хороший день... – с сожалением подумал он и потёр ушибленное колено.

– Ну-ну... – сказал он девушке. – Тебе... Вам стоит быть повнимательней. Я, конечно, заплачу. Сколько стоит ваша... твоя

гитара?

Олег Петрович путался в «ты» и «вы», и злился сам на себя, не зная, как вообще положено разговаривать с девицами таких лет? Была бы она красавица, можно было бы выбрать тон покровительственный, но шуточный – мол, знаю я все ваши штучки – так Олег Петрович обычно разговаривал с секретаршами. Но девушка была круглолицая, пухленькая, со странной причёской – три косы, а поперёк лба тесёмка с блестящими камешками.

-Э! Ты чё творишь? – со стороны оставленной Олегом Петровичем скамейки двинулся к нему, неприятно поводя плечами, высокий юноша с длинными, убранными в хвост волосами, в пыльных джинсах и черной футболке. Был он не один – за ним из быстро сгущающихся сумерек тянулись другие, глядевшие с угрозой и любопытством.

Олег Петрович растерялся. Снял зачем-то шляпу, откашлялся – но сказать ничего не смог.

– Нормально всё, ребята! – девушка поправила свою блестящую тесёмку и протянула Олегу Петровичу руку. – Помоги встать.

Он послушно потянул её вверх, поднял и гитару.

– Нормально всё, – повторила она, и пыльный юнец остановился.

– Я споткнулась просто. Не мой сегодня день, Эдик. А это мой папа, кстати. Погулять со мной захотел.

– Папа? – недоумённо спросил пыльный и усмехнулся. – Ладно, Линка, как скажешь. Если что, позови.

Неприятный юноша удалился в сумерки, а Олег Петрович смог, наконец, заговорить.

– Папа? – спросил он у девушки, протягивая ей треснувшую гитару.

– А что не так? – ответила она и улыбнулась, – может, вернуть Эдика?

– Нет-нет, не стоит, – спохватился Олег Петрович и сообразил улыбнуться в ответ, – спасибо вам... тебе...

– Проводишь меня, ладно? А то мне идти больно. Я тут недалеко, через дорогу, – сказала девушка и, не дожидаясь ответа, взяла Олега Петровича под руку. – Ногу ещё полгода назад растянула, так теперь чуть что – сразу хромаю. Долго заживает. Были у тебя когда-нибудь растяжения? Гитару сам понеси, а я за тебя

держаться буду.

Олег Петрович, справляясь с внезапным головокружением, прижал гитару к левому боку и повёл прихрамывающую девицу по центральной аллее к выходу из парка.

2.

Отец снился Лине частенько, но она никогда не могла разглядеть его лица. И поговорить с ним никак не получалось – чаще всего в её снах отец лежал, раскинув руки в той особой расслабленной манере, какая доступна лишь человеку, лишившемуся сознания. Вокруг толпились врачи – перебирали прозрачные трубки, звенели металлом, шептались, поглядывая друг на друга поверх масок – но отца от Лины не заслоняли, и она видела, как неподвижно и плоско лежит зелёная ткань больничной рубахи на его груди.

Лина просыпалась в недоумении, листала сонники – по всему выходила ей тоска-печаль, а ещё неприятные разговоры и ссоры. Она вставала, шла на кухню и шаркала ногами, и самой было неприятно от этого старческого шарканья и слабости. Мысленно надавав себе тумаков и окончательно проснувшись, Лина заваривала чай, грызла печенье и вспоминала, что мама рассказывала об отце и прежней их жизни.

Со временем рассказы эти Лине так хорошо запомнились, что казались собственными воспоминаниями: будто бы сама видела она сухой южный городок, душную съемную комнатку с двумя кроватями и тумбочкой меж ними, и каждое утро провожала отца с мамой на работу, сидя на табуретке и болтая ногами. Но на самом деле до Линоного рождения оставалось ещё два года, и мама была ещё худая, с короткой стрижкой, а папа всё радовался, как удачно они устроились и что работёнка у них не бей лежачего.

По утрам, прихватив бутербродов, они садились в автобус и отправлялись за город, в свежестроенный коттеджный посёлок. Было здесь когда-то озерцо с камышами, но его осушили, оставив лишь болотце; по вечерам из болотной жижи поднимались тучи мелких, злобных и неуловимых кровопийц, и, словно в отместку,

медленно, но верно, оседал в зелёную лужицу отведённый под сады-огороды грунт.

Забор в конце участков из-за оседающей земли поставить не удалось, и умница-застройщик радовался, что раньше догадался не спиливать растущие по берегам озера ивы. Серебристые пряди, почти касавшиеся земли, давали лёгкую кружевную тень, шелестели на ветру, скрывая то, что нужно было скрыть; и сами домишки, выстроенные по модным лекалам, гляделись легко и задорно: чистенький оранжевый кирпич, красные крыши, умытые окна – да не простые, квадратные, а высокие, в полстены, вырезанные полукругом по верхнему краю.

Местные жители только качали головами, жалея будущих хозяев: комары сожрут, земля из-под ног уйдёт, стены тонкие, крыши собраны кое-как, и вместе с этими хитровыдуманными окнами не удержат лютые зимние ветра и ливни.

Но покупатели – люди нездешние – видели только трепет ивы и весёлый рыжий кирпич, а уж внутри домишек и вовсе теряли дар речи: зря, что ли застройщик расставил по комнатам фасонистых кроватей с вензелями на спинках, укрыл их пушистыми покрывалами, а в изголовьях повесил картины – то с обнажённой девицей, то с кораблём, стоящим в ровном, как одеяло, море.

Но даже с блестящими шторами и мягкими креслами дома отчего-то не выглядели жилыми, и было внутри них неуютно, тихо и пусто. Домам нужны были люди.

Автобус довозил отца с мамой почти до самых ворот посёлка. В будочке охранника они получали ключи, а после, не торопясь, будто бы вживаясь в роль, шагали по укрытой плиткой аллее к дому под номером шесть.

Отпирали калитку – мама непременно заглядывала в укреплённый на ней почтовый ящик, будто бы ожидая письма – и входили во двор. Мама тут же хваталась за лейку, поливала полосатые петунии, гнездившиеся в пластиковых горшках, а после выметала со двора сухие цветки и листья. Отец отпирал дом и распахивал окна – комнаты нужно было хорошенько проветрить – и брался за

швабру. К половине десятого в доме было свежо и чисто.

Отец включал в гостиной телевизор, выбирая какой-нибудь музыкальный канал, а мама доставала из холодильника упаковку яиц и молоко. Мука хранилась в шкафчике у раковины. Там же стояла и большая бутылка подсолнечного масла.

Около десяти мама разбивала в миску три яйца, разбавляла их молоком и маслом, добавляла муку и, не торопясь, перемешивала жидкое тесто вилкой. Отец доставал из кладовки лопату и шёл в огород.

В одиннадцатом часу возле калитки останавливалась длинная белая машина. Выбирались из неё, щурясь от утреннего, но уже ослепительного солнца, незагорелые люди – чаще всего немолодые пары, реже – одиночки. С водительского места выходил Аркадий – смуглый, гладко выбритый, всегда с капельками пота над верхней губой и на лысине. Аркадий, улыбаясь, распахивал перед своими пассажирами калитку и, не оборачиваясь, нажимал кнопку на брелоке сигнализации. Машина тонко взвизгивала, и двери её запирались со щелчками, похожими на стук мышеловки.

– Покупатель должен понять вот что, – растолковывал Аркадий отцу и маме, принимая их на работу в мае. – Вы в этом доме живёте хорошо, и продавать вам его жалко. Продукты из холодильника не жрать, я всё проверю. Телевизор включать в половине десятого – только музыку, никаких ток-шоу и новостей. Ты! – Аркадий ткнул в отца пальцем, – в десять идёшь в огород. Копаешь там хорошенько. Если заинтересуются – скажешь, всё решил перекопать и сделать газон. – А ты! – поглядел он на маму, – тесто месишь: три яйца, мука, молоко и масло. Печку включишь – прогоню обоих. Покупатели уедут, тесто в холодильник поставь, я потом заберу. В сортире чтоб чистота была. В душ не вздумайте лазить. На кроватях будете валяться – сразу уволю. На диван садиться только при покупателях. Если спросят, почему продаёте, говорить, что сестра на Урале родила тройню, и вы решили всё продать и ехать ей помогать, ясно? Я привожу покупателей в десять, в двенадцать и в три. После трёх всё выключили, закрыли и ушли. Ключи сторожу отдали. За день

работы даю пятьсот рублей. Устроит?

Отца и маму всё устроило.

Покупатели любопытничали, заводили беседы, и в отце обнаружились вдруг недюжинные актёрские способности. Мама немного стеснялась, всё возилась со своим тестом, а отец по-хозяйски раскрывал двери комнат, рассказывал о тройняшках-племянниках, даже не дожидаясь вопросов, а потом, в саду, махал руками, показывая, где была у него капуста, а где помидоры, и что надоели они ему хуже чертей, и решил он разбить по всему саду газон, а она – махал он в сторону мамы – пусть бы уж цветов своих бесполезных по краям рассадил, и вообще, если бы не тройня и не подлец сестрин муж, кинувший её перед родами и все деньги с собой прихвативший, ни в жизнь бы они с этой земли не тронулись.

Аркадий улыбался, покупатели сочувствовали.

Когда белая машина уезжала, отец и мама отдыхали. Перекусывали припасёнными бутербродами, сидели рядышком на скамейке, любясь пляшущими на ветру ивовыми ветвями. Когда становилось жарко, уходили в дом, лежали на мягком ковре в гостиной и молчали, не забывая следить за часами. Они загорели и были очень счастливы – каждый день с девяти до трёх.

Даже по маминым рассказам Лина очень полюбила тот дом. Одноэтажный, приземистый, выстроенный не для человека, а для продажи. Полюбила полосатые петунии, иву в конце огорода, огромные окна, охотно впускавшие в дом солнечный свет. Полюбила тишину, мягко опускающуюся на дом и двор сразу после отъезда белой машины. Очень хорошо представляла себе, как мягко и легко входит лопата в десятки раз перекопанную землю, как стучит венчик о керамическую миску, как льётся на полосатые петунические цветки прохладная вода. Привязалась даже к соседям – пожилым тёте Свете и дяде Серёже, таким же ненастоящим хозяевам, которых уволили ближе к августу, потому что тётя Света, несмотря на строгий запрет, сварила себе кофе

и упустила его, залив блестящий хром печки. И Лина чувствовала то же, что и мама с отцом, ежедневное сожаление, когда нужно было запереть дом и калитку, отдать ключи сторожу и вернуться в крохотную равнодушную комнатку со следами убитых комаров на белёных стенах.

Уже к началу осени десять домиков в посёлке были проданы. Последний, под номером шесть, продали пятого сентября. Мама и отец на сделке, конечно, не присутствовали – вместо них, вооружившись нужной доверенностью, все подписи оставил Аркадий. Он передал новым хозяевам ключи и только пожимал плечами в ответ на все их вопросы о прежних владельцах.

Отец звонил Аркадию и спрашивал, не найдётся ли у него ещё работы, желательно такой же, непыльной. После двух бессмысленных разговоров Аркадий перестал брать трубку, а мама плакала по ночам, причитая, что хочет домой, подразумевая под домом тот, ивово-комариный оазис.

В конце октября, в самый разгар нежнейшего бархатного сезона, отец и мама покинули свою съемную комнатёнку и отправились на вокзал, насмешив кассира просьбой продать им билеты куда-нибудь на Урал.

– Город, город мне назовите, мужчина! – кричала она, смеясь, а отец смотрел на маму растерянно.

Мама ещё спала, Лина старалась не шуметь и даже кружку мыть не стала. Уткнулась в телефон, листая разноцветные ленты новостей, раскрывая не отвеченные сообщения, стирая ненужные письма.

С мамой они вчера поссорились, потому что Лина рассказала ей, что собирается поехать на юг работать русалкой. А когда заработает много денег, откроет свой собственный морской аттракцион – наверняка это очень просто, если подойти к делу с умом – девочки на ютубе об этом всё-всё подробно рассказывали. А уж на собственном аттракционе можно заработать кучу денег и, может быть – тут Лина выложила свой главный козырь – купить на

юге небольшой домишко. Лина старалась, описывая свой будущий хвост – изящный, блестящий, гладенький, и длинные волосы, несущиеся за нею как медузовые щупальца, а на груди – как и положено у русалок – будут две плоские ракушки, скреплённые в морской лифчик. Или океанский – так лучше звучит. И сделать-то осталось самую малость: уехать из серенького – ни рыба ни мясо – городишка к нежному югу, устроиться там в океанариум или какой-нибудь туннельный бассейн, а там уж выплывать навстречу гостям, прижимать ладони к толстому стеклу, улыбаться и отмахиваться от стремительных рыбок.

Мама сначала слушала с недоумением и молча, а потом, конечно, разошлась.

– Да ты даже плавать толком не умеешь! – кричала мама, краснея и задыхаясь, – ты как папаша твой, с шилом в заднице, ничего по нормальному сделать не можешь! И так сидим тут на птичьих правах, а я уже двадцать лет как перекасти поле болтаюсь! Сначала с ним, теперь вот с тобой! А я, может быть, совсем другого заслужила! Я, может быть, совсем не так хотела жить! Какие русалки, к чертям собачьим? Точно, как отец – придумаешь полоумие какое-то и радуешься! То гитара эта, на голове вечно бардак, шляешься неведомо где по ночам!

Она махнула рукой, а Лина замерла – может быть, вот прямо сейчас мама расскажет то, что наотрез отказывалась рассказывать – почему и куда ушёл от них отец, где он может быть сейчас и можно ли его найти? Ведь у неё, у Лины, точно такое же шило в заднице, и они наверняка бы поняли друг друга! Но мама больше ничего не сказала, ушла в комнату и закрыла за собой дверь.

Целый день они не разговаривали. Еле дождавшись вечера, Лина прихватила гитару и сбежала в парк – к своим.

3.

Девушка открыла дверь и впустила Олега Петровича в прихожую – тёмную и тесную, напичканную острыми вешалками, полками, тумбами; увешанную одеждой – сплошь серой и чёрной, уставленную отчего-то непарной обувью – один сапог, один

тапок... Олег Петрович немедленно наткнулся плечом на металлическую ветку вешалки, засопел, потирая ушибленное место, повернулся, попятился и споткнулся.

– Тихо ты, тихо! – девица удержала его за рукав пиджака. – Мама услышит. И не разувайся. – Она потянула его вперёд и влево, – вот тут кухня.

Олег Петрович, не разбирая пути, шагнул за нею, повернул куда-то в темноту и зажмурился от брызнувшего вдруг в глаза яркого света.

– Люблю, когда светло! – сказала девица и подвинула поближе к Олегу Петровичу хлипкую табуретку, – садись, папуля.

– Я, наверное, пойду, – неуверенно ответил Олег Петрович, – сколько я тебе должен за гитару?

Вино из его головы окончательно испарилось, остался лишь звон и страх – а ну как выскочат из соседней комнаты бугаи, отберут бумажник, телефон? А если ещё и побьют? Как это так вышло – пару часов назад сидел себе в хорошем ресторанчике, веселился, и вдруг оказался непонятно где в убогости и тесноте? И ведь даже не расскажешь потом никому, что с ним приключилось – не поймёт никто. И как ей теперь отдать деньги за гитару, чтобы бумажником не светить?

Он оглянулся вокруг – бывать в таких крошечных кухнях ему не приходилось с юности. Однако стол был чистый, светились белым кухонные шторы, выстроились на сушилке у раковины до блеска отмытые тарелки и чашки, а над столом висела фотография пожилого мужчины в толстом галстуке и очках.

– Дедушка? – кивнул Олег Петрович на фото только для того, чтобы что-нибудь спросить.

– Не-е-т, – протянула девица, – это хозяин квартиры, он одноногий и почти не встаёт. А мы за ним с мамой присматриваем, ухаживаем, и за это здесь живём. А вчера его в больницу забрали, что-то с сердцем. Но у него частенько бывает.

Она достала из сушилки две чашки и включила чайник.

– Чаю?

Олег Петрович открыл было рот, чтобы отказаться, но в кухню из тёмного коридора бесшумно вошла невысокая полная женщина –

немолодая, с пушистыми распущенными волосами, слишком длинными для её возраста и роста.

Увидев Олега Петровича, женщина охнула, пошатнулась и оперлась спиной о стену, чтобы не упасть.

– Лёша... Лёшенька! Ты вернулся!

Она кинулась к Олегу Петровичу и обняла его, замерев и даже не дыша.

От её волос пахло кухонным чадом, и обхватила она Олега Петровича так, как держат соперника уставшие боксёры.

– Простите, – сказал он, осторожно пытаясь освободиться от объятий, – извините...

– Лёшенька, как же мы долго тебя ждали, – прошептала женщина и подняла лицо, вглядываясь в Олега Петровича с восторгом.

От изумления он даже перестал сопротивляться её рукам и отчего-то, не отрываясь, тоже смотрел в её лицо – печальное и бледное, будто бы отсыревшее.

– Мам! Мама! Отпусти его! – смеялась девица. – Это не папа! Он мне гитару сломал, обещал новую купить! Не папа это!

Женщина снова охнула, отпустила Олега Петровича, отступила на шаг и прищурилась.

– И правда не он... Но похож... Немножко.

Она неловко улыбнулась и поправила волосы.

– Вы простите... Я обозналась... Гитары, значит, продаёте?

– Не продаёт, а сломал, – вставила девица, но женщина её будто бы и не слышала.

– Вы извините, – повторила она, – я не нарочно. Муж просто уехал, а я его всё жду и жду. Должен вот-вот, на днях появиться. Вот и обозналась...

– Бывает, – пробормотал Олег Петрович, изнывая от неловкости, – так я пойду.

– А гитара? – возмутилась девица.

– Постойте, – сказала женщина, – вы не обращайтесь внимания, у нас тут тесновато и беспорядок. А ведь мы когда-то на юге жили... Такой был у нас хороший дом! Двор весь плиточкой, а по бокам я петунию насадила, поливала её каждый день, ухаживала... В доме всё по уму: и ковры, и диваны, и даже картины висели – красивые-е-е... А в конце огорода – огромная ива! А муж-то мой,

знаете, чего удумал? Весь огород перекопал, капусту там, помидоры, всё убрал, и газон сделать хотел! Но пришлось наш дом продать и уехать сюда, родне помощь была нужна...

— Мам, перестань, — негромко сказала девица, — не надо.

— Что не надо? Что? — возмутилась женщина. — Ты вообще молчи!

— Представляете? — обратилась она к Олегу Петровичу, — эта-то что вытворяет? Бегаёт всё в этот парк по ночам, играют они там на гитарах, видите ли. Знаю я эти игры! Ходит как попало, косы плетёт, вон, на лоб какую-то дрянь цепляет. А вчера вообще заявила, что хочет уехать от меня и работать русалкой, вы только подумайте! Был бы отец здесь, он бы мигом ей мозги вправил. Но уехал вот, уехал... Вы простите, что я так глупо обозналась, темно тут, а я растерялась как-то. А я может, ещё пожить хочу, мне ведь всего сорок семь! А вот вы — женаты?

Олег Петрович торопливо кивнул и вдруг — непонятно отчего — с благодарностью подумал о своих бывших жёнах: и о первой, и о второй. Ему снова стало страшно, но не за бумажник и телефон, а за собственный рассудок. Дом? Ива? Русалка? Всего сорок семь?

Но женщина не умолкала и говорила всё быстрее, слова её будто сыпались Олегу Петровичу на голову и больно стучали по макушке.

— Я ей твержу, что нужно по уму жить. Люди вон, — она кивнула на Олега Петровича, — шляпы носят, — а она что? А я ведь тоже поддержки хочу. Дом хочу. Дерево. Почему у кого-то есть дерево, а у меня нет? И вообще устала я, ох как же я устала... Ещё дедушка у нас заболел, сердце у него прихватило...

Женщина закрыла лицо руками и заплакала.

Девица, не глядя на Олега Петровича, обняла её и стала покачивать, словно расстроенного ребёнка.

— Ну не плачь, не плачь, мам, всё будет хорошо! Не поеду я никуда, если ты не хочешь, не поеду! И всё непременно будет хорошо! Вот помрёт дед, квартиру на нас переписет, и будет у тебя свой собственный дом!

— Ну да, конечно, переписет он, — всхлипывала женщина, — у него три внука и племянница... А мы ему никто-о-о...

— А он на нас переписет, вот увидишь! Внуки ему ногти на ноге

не стригли, а мы стрижем... – девица гладила женщину по спине и сама еле сдерживала слёзы, – и мы с тобой мигом весь хлам из коридора выбросим, правда-правда! А хочешь, коврами всё застелим – ходить будет мягко. Картины повесим, и цветов посадим на балконе.

Женщина ничего не отвечала и только кивала, вздыхая и дрожа.

Олег Петрович тихонько, чтобы никто не заметил, отступил к коридору. Достал бумажник и вынул из него две красненькие бумажки. Подумал и вынул ещё одну – синюю, подержал и спрятал обратно. Положил две бумажки на табурет и на цыпочках попятился к выходу.

Никто его не удерживал и не окликал; он вышел к лифту, но сесть в него не рискнул, спустился по лестнице и толкнул тяжёлую, на пружине, подъездную дверь. На улице уже совсем стемнело, но так радостно и ровно светили фонари, и смеялись где-то за углом так беззаботно и легко, что Олег Петрович расправил плечи и пошёл вперёд, без труда справившись со странным ощущением – лишь на секунду показалось ему, будто бы он что-то забыл сказать или сделать.

Об авторе: ИРИНА ИВАСЬКОВА

Прозаик. Родилась в 1981 году в городе Красноярске. Окончила Красноярский государственный университет по специальности «Юриспруденция». Десять лет работала юристом. В 2010 году переехала из Красноярска в Анапу. Публиковалась в журналах «День и Ночь», «Сибирские огни», «Наш Современник», «Север», «Подъём». Член Союза писателей России. Руководитель молодёжного литературного объединения «Авангард». Neкаýalar